УДК 343.982.34(091)(470)

Барей Наталья Сергеевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск). *E-mail: franny@land.ru*

Natal'ya Sergeevna Barey– Candidate of Jurisprudence, docent of the criminal and legal disciplines chair of FGBOU VPO "The Far-Eastern state university of transport communication" (Khabarovsk). *E-mail: franny@land.ru*

Н.С. Барей
N.S. Barey

Становление отечественной дактилоскопии (первый этап развития дактилоскопии в России)

Развитие дактилоскопии в XX в. в России можно подразделить на шесть этапов. Первый этап – период возникновения и становления дактилоскопии, который прерывается революцией 1917 г. Второй этап – период восстановления после революции 1917 г. Третий этап – период с 30-х гг. Происходит развитие криминалистики как науки. Четвертый этап – период во время Великой Отечественной войны. Пятый этап – 40 – 50 гг., связан с восстановлением экспертной деятельности. Шестой этап – это период автоматизации, начинающийся с 60-х гг. (периоды до автоматизации и автоматизации). В данной статье рассматривается первый этап – период возникновения и становления дактилоскопии, который прерывается революцией 1917 г. С тех пор дактилоскопия получила в России заслуженное признание и начала широко использоваться на практике. Именно первый этап становления дактилоскопии в России послужил отправной точкой для развития дактилоскопической экспертизы, ее теоретических и методологических основ.

The formation of Russian dactyloscopy

The development of dactyloscopy in XX century in Russia can be divided into six stages. The first stage – a period of appearance and development of dactyloscopy, interrupted by the revolution of 1917. The second stage – during the recovery period after the revolution of 1917. The third stage – a period from the thirties of the XX century, when there is a development of criminalistics as a science. The 4th stage – a period during the great Patriotic war. The 5th stage – restoration of the expert activity of 1940th – 1950th . The 6th stage – a period of automation, starting from the 60th. This article is about the first stage – the period of the emergence and development of dactyloscopy, which was interrupted by revolution of 1917. Since then, dactyloscopy received deserved recognition in Russia and began to be widely used in practice. The first stage became the beginning of theoretical development of a dactyloscopy expert.

Ключевые слова: *криминалистика, дактилоскопия, трасология, экспертиза, папиллярные узоры, криминалистическая техника, преступление, расследование, история криминалистики.*

Keywords*: criminal science, dactyloscopy, criminalistics examination, papillary pattern, crime, investigation, history of a criminal science.*

Впервые в русской научной литературе упоминания о возможности идентификации личности по отображениям кистей рук появились в 1867 г. В своем труде «Теоретическое и практическое руководство об уголовном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 г.» А.А. Квачевский писал об идентификации человека по следам рук, а также приводил изображения кистей рук, окрашенных кровью. Кроме того, он особенно отмечал факт разнообразия и индивидуальности форм ладони и пальцев [4].

В первом разделе изданного в 1870 г. Медицинским департаментом МВД «Наставлении об исследовании подозрительных пятен» говорилось, что в случае проведения наружного осмотра предметов, имеющих подозрительные пятна, необходимо тщательно описать найденные пятна, поскольку «… иногда кровяные пятна зависят от прикосновения к предмету окровавленною рукою или подошвою сапога, так что получается или полный их отпечаток, или же только частичный, например, пальца; в таком случае размеры тех и других должны быть тщательно определены» [4].

В 1890 г. С. Ершов также говорил о значимости отпечатков окровавленных рук в рамках реферата «Способы исследования и сохранения различных отпечатков и следов, имеющихся на месте преступления». Стоит при этом отметить, что ни в одном из названных трудов не говорилось о наличии папиллярных узоров на пальцах и ладонях, таким образом, возможности дактилоскопии в полном смысле в рамках этих работ не рассматривались.

Первой российской публикацией, рассказывающей о дактилоскопии, можно считать статью «Отпечатки рук и их значение в судебной практике», вышедшую в июле 1892 г. в Юридической газете. Автором статьи были описаны некоторые особенности папиллярных узоров пальцев, босых ног и ладоней рук, в частности говорилось о характере образования потожировых следов, а также о возможности выявления их при помощи чернил, раствора азотнокислого серебра и различных кислот. Кроме того, шла речь о возможности классификации папиллярных узоров по системе Гамильтона.

В 1895 г. появилась следующая публикация, касающаяся дактилоскопии. Вышедшая в Правительственном вестнике статья «Папиллярные линии ладони как средство удостоверения личности преступников», по сути, являлась кратким обзором практического применения в Индии и Древнем Китае дактилоскопии. Кроме того, были описаны эксперименты Ф. Гальтона по вопросу устойчивости папиллярных узоров, их морфогенезе, а также возможности классификации папиллярных узоров и применения метода дактилоскопии для идентификации преступников на основе обнаруженных на

местах преступлений следов. Помимо этого, автор говорил об антропометрической системе А. Бертильона, в частности о необходимости внесения в нее дактилоскопических отпечатков и приводил рекомендации Гальтона по вопросу получения экспериментальных отпечатков пальцев [4].

Несмотря на то, что обе статьи публиковались в популярных периодических изданиях, в последующее десятилетие в российской юридической литературе не появлялось иных публикаций, касающихся дактилоскопии.

В России метод дактилоскопии начинает использоваться в качестве дополнения к таким методам регистрации, как антропометрия и судебно-полицейская фотография. Отпечатки папиллярных узоров использовались как дополнительные особые приметы в антропометрических картотеках регистрационных бюро России за несколько лет до разработки и введения системы дактилоскопической регистрации за границей. В 1905 г. дактилоскопия стала применяться в охранных отделениях. В задачу дактилоскопических бюро, которые стали создаваться при тюрьмах, входило дактилоскопирование заключенных. В тот же период были опубликованы Правила о производстве и регистрации отпечатков. В 1907 г. Министерством внутренних дел был издан ряд циркуляров, касающихся применения метода дактилоскопии полицией. В данных циркулярах указывались места, на которых наиболее часто можно найти потожировые следы пальцев рук, методы их обнаружения, выявления и фотографии. Кроме того, приводился ряд указаний, касающихся дактилоскопической экспертизы (сличения), которую проводили эксперты из числа «заведующих дактилоскопической регистрацией». В Инструкции «О применении антропометрии и фотографии к регистрации преступников», приложенной к циркуляру №1, указывалось: «Дактилоскопия является наилучшим способом классификации карточек с приметами и применяется или самостоятельно (без фотографий), или же как дополнительное средство удостоверения личности – для чего выше помещенная антропометрическая карточка снабжена внизу шестью оттисками: указательного и большого пальцев левой руки и большого, указательного, среднего и безымянного пальцев правой руки преступника [3].

Среди отечественных исследователей-криминалистов, занятых изучением проблем организации следственного процесса, вопросами организации сыска, разработкой методик уголовной регистрации, совершенствованием технических приемов дактилоскопии, следует особенно отметить уездного полицейского исправника Н.М. Снегирева, а также начальника московской сыскной полиции генерала В.И. Лебедева, внесшего значительный вклад в развитие системы сыскной деятельности. Лебедевым была разработана система дактилоскопической регистрации, которую начальник московской полиции опубликовал в виде брошюры с названием «Дактилоскопия». Данная брошюра являлась дополнением к Правилам и была весьма актуальна для того периода.

Первый факт применения дактилоскопической экспертизы для идентификации человека в российской практике был зафиксирован в 1912 г. В Харламовской аптеке двумя неизвестными было совершено убийство, а также

похищена вся имеющаяся выручка. На одном из найденных следователями на месте преступления осколков стекла был обнаружен след папиллярного узора пальца руки. Задержанные по подозрению в совершении этого преступления граждане свою вину отрицали, а все наличествующие улики были косвенными. Кроме того, один из подозреваемых предоставил нескольких свидетелей, которые подтверждали его алиби в противовес имевшимся косвенным доказательствам [4].

После данного прецедента отпечатки ладоней и пальцев рук стали применяться не только для дактилоскопической регистрации, но и с целью идентификации личности на основе обнаруженных на месте преступления следов.

К сожалению, в начале Первой мировой войны результаты десятилетней работы отечественных криминалистов были практически полностью разрушены. Большинство криминалистов были призваны в действующую армию. Основной урон это нанесло учреждениям гг. Петербурга и Москвы. Киевский же кабинет научно-судебной экспертизы подвергся разгрому со стороны германских оккупантов, после чего ещё длительный период времени не мог восстановить полноценный уровень работоспособности.

В 1906 г. в Германию с особым распоряжением ознакомиться с различными применяемыми в этой стране способами дактилоскопической регистрации преступников были направлены инспектор Главного тюремного управления, действительный статский советник, Н.Ф. Лучинский и чиновник Главного тюремного управления барон А.Ф. Штакельберг.

Исследование механизма регистрации преступников по средствам применения дактилоскопической методики показало, что данный способ позволяет вести успешную борьбу с бродяжничеством ввиду использования основополагающих принципов системного подхода при объединении всех имеющихся данных, а также значительно превосходит прочие аналогичные системы, включая антропометрию.

Н.Ф. Лучинским был представлен доклад об особенностях дактилоскопической методики регистрации преступников, составленный на основе результатов анализа полученных в служебной поездке сведений. В рамках данного доклада были изложены предложения инспектора Главного тюремного управления по вопросу внедрения системы дактилоскопической регистрации преступников в условиях России.

На основании приведенных в докладе положений Министерство юстиции пришло к выводу о необходимости введения дактилоскопической системы регистрации преступников на территории России. С этой целью было создано Центральное дактилоскопическое бюро при Главном тюремном управлении. Правила о производстве и регистрации дактилоскопических снимков были утверждены министром юстиции И.Г. Щегловитовым 16 декабря 1906 г. Кроме того, Главным тюремным управлением был разработан и издан Циркуляр «О введении дактилоскопии в тюремном ведомстве для регистрации преступников». Обозначенные документы конкретизировали, какие именно категории лиц подлежат обязательному дактилоскопированию. Так,

обязательному дактилоскопированию, согласно указанным правилам, подвергались лица, обвиняемые в преступлениях, предусматривающих в виде наказания лишение всех сословных, политических и гражданских прав, приговоренные к ссылке на каторжные работы или на поселение [3].

Дактилоскопические карты изготавливались в первые три дня с момента поступления преступника в места заключения. Изготовление производилось под непосредственным контролем начальника учреждения либо его помощника. Контролирующее лицо своей подписью на дактилокарте подтверждало правильность содержащихся там сведений.

В помещении Центрального дактилоскопического бюро, расположенного в здании ГТУ, находились 4 шкафа с 24 ящиками в каждом, предназначенные для хранения дактилокарт, а также один шкаф с 24 ящиками, служивший для ведения алфавитной картотеки. Главным тюремным управлением были предоставлены 1024 папки (по числу основных групп), буквенные и цифровые знаки, лупы и прочие канцелярские материалы.

Руководителем нового бюро стал Н.Ф. Лучинский. С целью проведения дактилоскопических исследований, а также для наблюдения за работой прочих служащих в ЦДБ был направлен архивариус ГТУ, статский советник, Д.И. Васильев. В помощники ему был назначен коллежский регистратор Силенка.

Циркуляр ГТУ от 30.12.1906 №32, к которому прилагались комплекты дактилоскопических приспособлений и бланки дактилоскопических листков, изготовленные в Петроградской одиночной тюрьме, а также Правила «О производстве и регистрации дактилоскопических снимков», был разослан губернаторам, начальникам областей и градоначальникам в соответствии с количеством мест заключения, находящихся на вверенных им территориях. Начальникам тюрем, согласно данному письму, полагалось в кратчайшие сроки дактилоскопировать всех заключенных, содержащихся в день получения Правил в тюремных заведениях, и передать дактилоскомпические карты в ЦДБ [1].

Спустя некоторый промежуток времени в бюро начали поступать дактилоскопические карты. В большинстве своем карты заводились на каторжных арестантов. Преимущества новой системы стали видны еще в первые месяцы работы ЦДБ. Из одной и той же тюрьмы могли приходить дактилоскопические карты, заполненные на разные лица, но с отпечатками одного и того же человека. Разумеется, чаще всего подобное объяснялось ошибками при работе тюремных специалистов, однако, кроме этого, были выявлены и подлоги, имевшие место в ряде тюрем. Один из таких случаев описывается в записях Д.И. Васильева.

В течение первого года работы Центрального дактилоскопического бюро был зафиксирован факт выявления личности бродяги. Так, в феврале 1907 г. из тотемской тюрьмы в ЦДБ была передана дактилокарта, содержащая сведения об арестанте М. Кукушине, осужденном по ст. 951 Уложения о наказаниях. М. Кукушин был освобожден из тюрьмы с передачей в распоряжение полиции. Позднее, в сентябре 1907 г., в ЦДБ была доставлена дактилокарта на арестанта самарской тюрьмы А. Шубина. А. Шубин был осужден по ст.ст. 951 и 952

Уложения о наказаниях. При регистрации дактилокарта А. Шубина получила формулу, аналогичную дактилокарте М. Кукушина. Впоследствии был установлен факт совпадения папиллярных узоров обоих лиц на уровне индивидуального тождества.

Позднее в ЦДБ начали поступать ходатайства об исследовании отпечатков пальцев, оставленных преступниками на местах преступлений. Первые подобные ходатайства от судебных следователей были зафиксированы в начале 1909 г. Иногда к ходатайствам прилагались дактилокарты подозреваемых и вещественные доказательства (конверт, бумага, печать). Однако на все ходатайства Центральное дактилоскопическое бюро ответило отказом, аргументировав свою позицию тем, что не считало себя уполномоченным для производства «… чрезвычайно ответственных по своим результатам исследований... и не имело в своем распоряжении таких аппаратов и приспособлений, которые давали бы ему возможность воспроизвести применяемые в подобных случаях технические приемы» [1]. Следует при этом отметить, что, несмотря на это, сотрудники ЦДБ неоднократно привлекались к допросу в качестве сведущих лиц в камерах судебных следователей г. Петрограда. Таким образом, сотрудники ЦДБ фактически проводили дактилоскопические экспертизы в отдельных случаях.

Таким образом, исследование оставляемых на месте преступления злоумышленниками дактилоскопических следов имело бы в процессуальном отношении такое же значение, как и производящееся при камере прокурора Петербургской судебной палаты исследование фотографическим способом подлогов, а также исследование дактилоскопических данных, касающихся личности преступников, обвиняемых в бродяжестве, производимое ныне в Центральном дактилоскопическом бюро при Главном тюремном управлении.

Указанные виды исследований имеют своей целью предоставление органам судебной власти доказательств виновности того или иного лица в различного рода преступления (убийство, кража со взломом, побег и т. п). Следует также отметить, что для проведения любого из обозначенных исследований необходимы особые технические знания в области дактилоскопии либо фотографии. Так, например, исследования отпечатков, найденных на месте преступления, требуют знаний не только в области дактилоскопии, но и по вопросу фотографической экспертизы.

Приведенные выше обстоятельства позволяют сделать вывод о необходимости объединения обозначенных видов исследования в рамках деятельности одного учреждения, обладающего достаточной компетенцией, то есть в Центральном фотографо-дактилоскопическом бюро, которое, в свою очередь, должно находится при Центральном управлении Министерства юстиции. Штатная численность учреждения должна быть установлена в законодательном порядке.

С помощью ЦДБ были установлены личности ряда неизвестных, тела которых были найдены в различных регионах России. Один из первых подобных случаев был зафиксирован в 1914 г. в г. Благовещенске. На улице города был найден труп неизвестного лица, с отпечатков рук которого была

изготовлена дактилокарта, направленная в ЦДБ. При исследовании данной карты в ЦДБ была установлена личность неизвестного, им оказался беглый каторжник Василий Тихонов.

В период 1907 – 1916 гг. в Центральном дактилоскопическом бюро были проведены работы по установлению личности 11 неизвестных, тела 4 из которых были найдены на улицах, 1 – в погребе военных лагерей, а 6 неизвестных были убиты при задержании в момент совершения преступления или бегства с места преступления [1].

С 1911 г. при Училище правоведения начинает функционировать первый в России судебно-технический кабинет, организованный судебным следователем С.М. Потаповым. В рамках деятельности кабинета в Училище правоведения стали проводиться занятия по криминалистике. Чуть позже криминалистику стали преподавать в Военно-юридической академии [2].

Для технического обеспечения процесса расследования преступлений было принято решение о создании особых кабинетов. В Законе от 28.06.1912 г. «О кабинете научно-судебной экспертизы» было обозначено: «… При прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты состоит кабинет научно-судебной экспертизы для производства исследований по уголовным и гражданским делам посредством фотографии, дактилоскопии, химических и микроскопических анализов и иных приемов, за исключением исследований, применяемых врачебными отделениями губернских правлений, а также для оказания, в особо важных случаях, содействия следственной власти к обнаружению виновного и выяснению преступления или к установлению невиновности подозреваемого».

Первый кабинет состоял из трех отделов: химического, уголовно-технического и отдела фотографии. Фотографический отдел в рамках своей деятельности осуществлял работы по фиксации места преступления по средствам фотосъемки. Кроме того, отдел осуществлял микроскопическое исследование документов. Уголовно-технический отдел занимался обнаружением и фиксацией следов, включая следы рук. Химический отдел осуществлял анализ веществ и материалов, найденных на местах совершения преступлений. За 1913 г. кабинет провел 272 исследования по уголовным делам, в том числе 43 из них – дактилоскопических.

9 декабря 1912 г. состоялось торжественное открытие кабинета научно-судебной экспертизы при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты.

В кабинет с 9 декабря 1912 г. по 1 января 1914 г. поступили 365 исследований, из которых 272 – по уголовным делам и 93 – по гражданским. Направления, по которым проводились исследования, можно распределить так: исследование и сличение почерков –169 случаев, дактилоскопия – 43 случая, исследования чернил и волос – 30 и 7 случаев, соответственно. Кроме того, служащие в 5 случаях выезжали на места преступлений, 57 случаев, согласно отчету министра юстиции, составили иные исследования [2]. Кабинет научно-судебной экспертизы принимал участие в ряде выдающихся процессов того времени (дело Лыжина, Ющинского, графа Роникера, и др.). Восемнадцать

чинов разных ведомств были прикомандированы к кабинету научно-судебной экспертизы для ознакомления и изучения дел.

В 1914 г. был уволен один из помощников управляющего – германский подданный Пфеффер, а двое других помощников – Гончаров и Изензе, а вместе с ними и старший кандидат на должности по судебному ведомству Линде были призваны на военную службу. Столь тяжелые условия значительно осложнили деятельность кабинета научно-судебной экспертизы – весь объем работ проводился управляющим и старшим кандидатом на должности по судебному ведомству Рудневым. В течение 1914 г. кабинетом научно-судебной экспертизы были проведены 249 экспертиз, из них дактилоскопических исследований – 33, исследований ключей, ножей, следов ног и др. – 16. Кроме того, были совершены 5 выездов на место происшествия [1].

Петроградский кабинет научно-судебной экспертизы прекратил свое существование в течение первых дней Февральской революции, в пламени пожара, охватившего здание, в котором ранее располагался Петроградский окружной суд.

В июле 1913 г. был издан Закон «Об учреждении кабинетов научно-судебной экспертизы в городах Москве, Киеве, Одессе», что было обосновано значительным ростом нагрузки, а также все возрастающей ролью кабинетов научно-судебной экспертизы в обеспечении деятельности органов следствия и уголовного розыска. За 1914 г. этими кабинетами были проведены 251, 216, 215 исследований, в том числе по дактилоскопии 55, 33, 11, соответственно [1].

Начиная с того периода метод дактилоскопии получил в России заслуженное признание и стал широко применяться в практической деятельности. По мере развития теоретических и методологических основ дактилоскопической экспертизы совершенствовались методика экспертного исследования, различные методы и приемы по обнаружению следов рук как на месте преступления, так и в лабораторных условиях, методы изъятия и фиксации следов.

Литература и источники:

1. Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление, тенденции развития : учеб. Пособие. – М. : ЮИ МВД РФ, 1994. – 246 с.

2. Макеева, Н. В. Становление и развитие экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел : учеб. пособие / Н. В. Макеева. – Калининград : Калининградский ЮИ МВД России, 1998. – 348 с.

3. Смирнов, М. П. Становление и перспективы развития дактилоскопического метода криминалистического учета : автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. П.Смирнов. – М, 1982. – 32 с.

4. Хазиев, Ш. Н. История дактилоскопии в России 1867 – 1994 гг. / Ш. Н. Хазиев. – М., 2004. – 214 с.